

Глава 21

Цзюнь Цюлань впервые видел такое. Любопытство, похоже, не знало ни временных, ни возрастных границ.

Авария, к счастью, была несерьезной — две машины лишь слегка задели друг друга. Но оба водителя вышли из себя, каждый винил другого, и на улице завязалась перепалка, переросшая в потасовку.

Вскоре появились двое крепких мужчин в синей форме.

— Что за шум? — строго спросил один из них. — Здесь есть камеры.

— Вот именно, — подхватили зеваки. — Посмотрите запись, и все станет ясно. Утро же, чего ругаться.

«Камеры?»

Буквальный смысл слова он понял, но что это такое?

Юноша поспешно достал мобильный телефон и вбил запрос в поиск. От прочитанного у него застыла кровь в жилах. Он поднял глаза и увидел, что на улице висит четыре или пять таких устройств, ярко блестящих на солнце.

В этот миг Цзюнь Цюлань окаменел. Он не смел даже обернуться, чтобы проверить, нет ли камер в его переулке.

Как раз рядом несколько школьников шушукались между собой.

— Как думаешь, сколько хранятся записи? Нас не спялят, что мы на прошлой неделе уроки прогуляли?

— Да не, это же не главная улица. Если ничего не случится, записи стирают через полмесяца-месяц.

— В таких местах, как этот ночной рынок, где всегда толпы народу, записи долго не хранят. Если что-то серьезное случится, например, кто-то вещь потеряет, камеры посмотрят сразу, а не через две недели.

Мальчишки продолжали щебетать.

Цзюнь Цюлань, слушая их, сверялся с информацией в телефоне. Наконец он немного успокоился. За этими уличными камерами обычно никто не следит в реальном времени, а через несколько дней записи просто заменяются новыми. А в переулке камер могло и не быть.

Ему стало не до зрелищ. Он медленно вышел из толпы и вернулся в подворотню. Переулок был узким — едва шире размаха рук взрослого мужчины — и темным даже днем, освещаемый лишь отблесками с улицы.

Молодой господин обычно заходил поглубже. Осмотревшись, он заметил в дальнем конце, в углу стены, нечто похожее на камеру. Он не знал, насколько широк обзор у этого устройства, но понимал: пока в переулке ничего не случится, никто не станет просматривать записи и не увидит, как здесь внезапно появляется и исчезает человек.

Этот мир был поистине велик.

Цзюнь Цюлань усмехнулся своим противоречивым чувствам. Похоже, в будущем придется искать другое место для перемещений. А будет ли обнаружено его недавнее появление, зависело от того, сохранится ли в переулке спокойствие в ближайшие пару недель.

Он понурил голову и на мгновение замолчал. Другого выхода не было. Он уже не мог заставить себя просто перестать приходить сюда. Если бы он с самого начала знал о камерах, то, возможно, не стал бы так рисковать. Но теперь, когда у него уже были планы, контракт со съемочной группой, а главное — возможность изменить к лучшему жизнь своей семьи в бедном пограничном городе, он не мог отказаться от этого шанса.

Вероятно, с тех пор как он получил эту способность, удача была на его стороне. Он решил рискнуть. Если его выследят, он просто сбежит.

Приняв решение, он, не оглядываясь, покинул переулок.

Нужно было найти новое место. Даосский мастер Цинхэн был единственным, кто знал его тайну, и даже выделил ему комнату в своем храме. Но это было слишком далеко — он не мог каждый день тратить по три с лишним часа на дорогу в горы и обратно.

Цзюнь Цюлань прикинул свои финансы. На аренду жилья все еще не хватало.

«Может, тот общественный туалет в парке?»

Вряд ли в этом мире станут устанавливать камеры в уборных, чтобы подглядывать за людьми.

Погруженный в свои мысли, Цзюнь Цюлань дошел до небольшого парка.

Видимо, все актеры массовки с удостоверениями уже состояли в группах в WeChat, где и публиковались объявления о наборе. Сегодня в парке стояла очередь лишь к одной съемочной группе. И, по иронии судьбы, это была та самая группа, где его недавно притесняли.

Юноша покачал головой и, не желая испытывать судьбу, отправился на поиски туалета.

Внутри камер действительно не было, как и снаружи у входа. Но неподалеку, под фонарным столбом, одна все же висела.

«Они и вправду повсюду»

Но другого выхода пока не было. В переулке, помимо камер, был еще и риск быть замеченным прохожими. Этот же туалет был малолюдным, а внутри были отдельные кабинки, откуда можно было перемещаться.

Была, правда, еще одна проблема. Он всегда появлялся в том же месте, откуда исчезал. Что, если на следующий день кабинка будет занята? Не напугает же он кого-нибудь до потери сознания своим внезапным появлением?

Поразмыслив, он решил, что туалет — все же более надежный вариант, хоть и немного неэтичный. Завтра он должен был уже начать торговать на ночном рынке, и тогда, возможно, с деньгами станет полегче.

Определившись с местом, он отправился на поиски работы. Из-за отсутствия сигнала он пропустил несколько вчерашних объявлений в чатах. Оставалось надеяться, что удастся найти что-то днем. К той съемочной группе на площади он решил не подходить, чтобы не напрашиваться на неприятности.

Обойдя парк, он снова наткнулся на курящего дядюшку Воздаяние.

— О, братец Цзюнь! — радушно поприветствовал тот. — Сегодня не идешь записываться на съемки?

Цзюнь Цюлань покачал головой и, не вдаваясь в подробности, сказал лишь, что не сошелся характерами с той группой.

— Слышал, слышал, — усмехнулся старик. — Но теперь, думаю, все в порядке. Того главного актера заменили. В интернете такой шум поднялся!

Юноша удивился. Он экономил трафик и не следил за новостями, не касавшимися его

напрямую. Как могли заменить исполнителя главной роли, когда съемки уже шли какое-то время?

Дядюшка, несмотря на почтенный возраст, оказался большим любителем сплетен.

— В тот же вечер, как мы снимались, в сети кто-то слил информацию, что этот актер крутит романы сразу с несколькими девушками. Фанаты даже не знали, сколько у них «невесток», а потом эти девицы одна за другой начали выкладывать доказательства. Актера с такой подмоченной репутацией ни одна студия не оставит, это же скажется на рейтингах. Его заменили, а пока снимают сцены с другими актерами.

Цзюнь Цюлань не знал, что и сказать.

— А про тот случай, когда тебя притесняли, мы тоже все слышали, — продолжал дядюшка Воздаяние. — Поговаривали, что тот парень просто завидовал твоей внешности. Если ищешь работу, можешь подойти к ним, спросить. Это же была проблема актера, а не всей команды.

Цзюнь Цюлань колебался.

— А вы сегодня не идете?

— Нет, нет, я еще удостоверение актера не сделал. Я так, для развлечения, да на овощи подзаработать. Сегодня договорился с другом в парке каллиграфией заняться.

Цзюнь Цюлань позавидовал его состоянию.

«Каллиграфией в парке?»

Не успел он обдумать это, как к ним подошел лысоватый мужчина примерно того же возраста. В руках у него было ведро с водой и две огромные кисти. Юноша впервые видел такие — почти по половину человеческого роста.

Мужчины поздоровались, и старый знакомый представил гостя.

— Какой красивый молодой человек, — добродушно заметил лысый дядюшка. — Девушка есть? У меня дочь — адвокат. Зарабатывает хорошо, красивая, правда, немного старше тебя. Не хочешь познакомиться?

Цзюнь Цюлань впервые столкнулся с таким и, поспешно замахав руками, сказал, что он — даос, только что спустившийся с гор, и о женитьбе пока не думает.

— Ну ты даешь, напугал парня, — рассмеялся его собеседник. — К тому же, племянница в большом городе работает, там жизнь напряженная. Не торопи ты ее с замужеством, она уже домой боится приезжать из-за твоих разговоров. В тридцать лет не замужем — это сейчас нормально.

Симпатия Цзюнь Цюланя к этому миру снова возросла. Его младшей сестре всего пятнадцать, а ей уже приходится думать о замужестве. А здесь тридцатилетнюю женщину лишь слегка поторапливают родные, да и то соседи могут заступиться.

При этой мысли его сердце снова сжалось от сожаления. Если бы он мог перевезти сюда свою семью! Когда он заработает денег, он сможет отправить сестру учиться, чтобы она, как и девушки здесь, получила образование, нашла работу и выбрала себе любимого человека.

Пока он предавался мечтам, двое мужчин уже начали выводить иероглифы водой на каменных плитах парка. Цзюнь Цюлань сразу узнал почерк дядюшки — такой же, как на его аватаре. Тогда он еще мысленно отметил, как некрасиво это написано.

Ему стало немного неловко, но он молча наблюдал со стороны. Почерк у обоих был похож. В этом мире немногие писали кистью, в основном — твердыми ручками.

«Неужели здесь у всех такой уровень каллиграфии? — задался он вопросом. — Может, мне на веерах тоже так писать?»

Если бы учитель, обучавший его письму, увидел это, он бы, наверное, примчался сюда среди ночи.

Сказать по правде, иероглифы не были совсем уж безобразными, но было очевидно, что авторам не хватает базовой техники. Они пытались придать им элегантности — непринужденности — с помощью преувеличенных штрихов. Это был так называемый «цзянху», или «самодеятельный» стиль, вызывающий много споров.

Двое мужчин написали по стихотворению. Вода на камне сохла не быстро, и они принялись критиковать друг друга. Один говорил, что у другого не получается, второй отвечал, что у первого слишком уродливо.

Цзюнь Цюлань невольно улыбнулся, глядя на них.

Внезапно оба повернулись к нему.

— А ты рассуди, кто из нас лучше написал?

«Как же огонь перекинулся на меня?» — подумал Цзюнь Цюлань.

— Ну, говори, — настаивал дядюшка Воздаяние.

Что он мог сказать? Оба писали примерно на одном уровне. Кого бы он ни похвалил, второй бы не согласился.

— Дядюшка, — подумав, сказал он, — не одолжите ли вашу кисть?

— Ого! — обрадовался тот. — Нечасто встретишь молодого человека, который умеет писать кистью. Ну-ка, покажи, на что способен.

Цзюнь Цюлань никогда не держал в руках такой большой кисти. Он сначала попробовал нанести на камень несколько базовых штрихов — точку, откидную влево и вправо, чтобы почувствовать вес инструмента. А затем, обретя уверенность, официально приступил к письму.

Он написал всего четыре больших иероглифа: «Тянь дао чоу цинь» — «Небесный путь вознаграждает усердных».

<http://bllate.org/book/15876/1441101>